

тал»), неразрешенными периодами и неотобранными эпитетами.

Большую школу надо пройти автору, чтобы догнать молодую нашу литературу. Да и нужно ли это при таком жалком идеологическом багаже?

Сергей Городецкий.

«ПЕРЕСВЕТ». II. Изд. Н. В. Васильева. Москва 1922 г. 108 стр.

Рассказ Пильняка «Метель» производит сумбурное впечатление. Построение по принципу динамической прозы А. Белого не удалось, и смешение планов, повествовательного и комедийно-драматического, привело к какой-то неприятной путанице. Выдержан в стиле «вымышленных жизней» небольшой рассказ П. Муратова, писателя с твердо установившимся вкусами и приемами, упорно влекущими его к западно-европейскому миру, его истории, которую он любит и понимает. Драматические сцены Бориса Зайцева «Дон-Жуан» кажутся эскизными.

Это собственно 5-й акт драмы или трагедии идеализованного Дон-Жуана. Хотелось бы более полного развития некоторых любопытно задуманных деталей и характеров.

Повидимому, во многом с натуры написан рассказ А. Яковлева. Его недавняя злободневность придает ему особый отпечаток: мы как будто выслушиваем жуткий до кошмара отчет о самых тяжелых сценах гражданской войны.

Непонятно, о чем хотел рассказать Замятин, — какое-то событие в монастыре, переданное утрированно-народным языком в такой же утрированно-бытовой обстановке. Что-то вроде отрывка из большого рассказа или повести.

Среди стихов выделяются стихотворения Б. Пастернака.

Н. Л.

ИЛЬЯ ЛУКАШИН. Исповедь пролетария. Изд. Орловского Уездного Отдела Народного Образования при Уисполкоме. Орел 1920 г.

То же. 2 значительно исправленное и дополненное издание Орловского Уездного Отд. Нар. Обр. Орел 1920 г.

В первом издании «Исповеди» Лукашина имеются несколько дополнитель-

ных рассказов, но они настолько трафаретны, что о них можно ничего не говорить.

Что касается «Исповеди», то она очень любопытна и в известном смысле интересна.

Но с самого начала рассеем возможное недоразумение: литературной ценности «Исповедь» Лукашина никакой не имеет. Написанная местами просто коряво, она говорит иногда слишком ясно о стилистической беспомощности автора.

Дополнения автора во втором издании книги иногда курьезны по существу. Говоря, напр., о том, как он был певчим и не получал жалованья за свой труд, автор во втором издании «дополняет»: ректор «назвал меня благодарной скотиной за те четыре года, которые я все время услаждал его буржуазный слух своим исключительным дискантом» (стр. 17).

И. Лукашин ошибочно назвал свою книгу «Исповедь пролетария». Это неверно. Ее надо назвать «Исповедью люмпенпролетария» — исповедь босняка. Эти черты босяцкой психологии, — увы! еще не изжитой автором, — ярко выявлены на страницах «Исповеди». По этой книге можно выявить разницу между этикой пролетария с законченной классовой психологией и этикой босяцкого пролетариата.

Сын мелкого хозяйчика-пекаря, самодура и деспота, автор рос безвольным существом. Сначала он состоит подручным пекарем у отца, затем отправляется в Москву. Там поступает в пекарню и ведет тот образ жизни, который так характерен для этих париев среди пролетариата: пьянство, посещение публичного дома на Грачевке и, наконец, паразитное существование, когда исчезает всякая потребность в труде.

Автор «Исповеди» отмечает, что «более талантливые бросали работу и уходили искать себе сносной жизни на другом поприще, чаще всего они становились уличными песенниками и гармонистами. Но вообще по условиям жизни были горькие пьяницы, а некоторые окончили жизнь на пресловутом Хитровом рынке. Сам автор катился вниз, «пока не очутился на самом дне», т.-е. на той же Хитровке. Правда, там он пробыл всего три дня, но дело, конечно, не в этом, а в том,